

Крест на плацу

ОПЫТ ОКОРМЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН
В ВЫКСУНСКОЙ ЕПАРХИИ

Исправительную колонию ИК-18 в Ардатове клирик Знаменского храма протоиерей **Михаил Резин** посещает с 1992 года. На этом месте до революции располагался Покровский женский монастырь, основанный в начале XIX века по благословию преподобного Серафима Саровского. После того как обитель ликвидировали, здесь была детская коммуна, похожая на ту, которая описана в повести Антона Макаренко «Педагогическая поэма», затем содержались несовершеннолетние преступники, а десять лет назад учреждение перепрофилировали в женскую исправительную колонию. Какова специфика окормления осужденных женщин, как здесь нужно расставлять акценты на проповеди, каких тем лучше избегать в разговоре и в чем заключаются истоки женской преступности, священник рассказал «Журналу Московской Патриархии».

По минному полю

— *Ваше Высокопреподобие, как вас встретили осужденные, когда вы впервые пришли в женскую колонию? Быстро ли там сложилась православная община?*

— Я уже тридцать лет занимаюсь тюремным служением. Впервые порог пенитенциарного учреждения я переступил в 1992 году. Правда, тогда здесь располагалась воспитательная колония для несовершеннолетних. И действительно появление человека в рясе произвело эффект взорвавшейся бомбы. А сейчас священник на зоне — обычное явление. Сейчас я окормляю заключенных в женской колонии для неоднократно осужденных — то есть для рецидивисток, у которых это уже не первый срок. Здесь есть свой храм в честь Покрова Божией Матери, налажена регулярная богослужебная жизнь, и проблемы недопонимания с прихожанками нет. Все желающие сразу пришли и образовали общину. К слову, в этой колонии много цыганок, чаще всего они сидят по статье о хранении и распространении наркотиков. По внешним признакам (пост, посещение богослужений, помощь по храму) представители этого народа в вопросах веры оказываются ревностнее. Другое дело, что после освобождения они возвращаются в свою привычную среду и о Церкви забывают.

— *Чем отличается окормление ваших подопечных в детской и взрослой колониях?*

— Разница — в отношении к священнику. Подростки, не скрывая, воспринимали меня как очередного наивного благодетеля, которым можно манипулировать так, как хочется. Например, показывают на стену в храме и говорят: «Батюшка, посмотрите, вот здесь краска отшелушилась, надо бы подкрасить. Принесите, пожалуйста, банку краски, мы все сделаем». Такой добрый порыв мог бы умилить, если не знать, что краска им нужна, чтобы ее нюхать. Настрой схитрить и обвести вокруг пальца нужного взрослого (в данном случае — священника) передавался и их родителям. Приехали однажды родственники навестить своего ребенка и преподнесли в дар храму икону. Спасибо, конечно, за подарок, но все вещи в колонию можно передавать только через оперативную часть. После осмотра в окладе этой иконы нашли «за-

кладку» — наркотики. Поэтому с мальчишками всегда — как по минному полю.

А с женщинами не было таких грубых попыток манипуляции. В основном действительно были духовные запросы. Еще особенность: какими бы преступницами они ни были, женщины остаются женщинами. У многих на воле остались дети, а сроки здесь из-за рецидива у них приличные — от 10 до 15 лет. И понятно, что когда она выйдет, ребенок уже вырастет. И как у них сложатся отношения? Это очень серьезная для них проблема, именно из-за этого многие унывают. И на исповеди пытаешься вытянуть их из этой депрессии, потому что их это очень тревожит. Тем более что многие из женщин лишены родительских прав.

Всегда видно — человек мимикрирует или искренне идет к вере. Например, начинает задавать серьезные вопросы, и ты чувствуешь, как ему важен твой ответ.

— *Можете рассказать историю одной из своих подопечных?*

— Одной из них, назовем ее Ириной (имена изменены. — А. Р.), не было еще и тридцати пяти лет. Срок свой она получила за сбыт и хранение наркотиков. И запомнилась тем, что у нее в легких была пуля, — наследство каких-то криминальных разборок. На зоне Ирина постоянно со всеми скандалила и часто сидела в ШИЗО (штрафной изолятор). У нее на воле остался сын, которого отдали на попечение бабушке, не совсем нормальной психически, потому что Ирину лишили родительских прав. Когда я приходил к ней в ШИЗО, она мне все время говорила: «Мне бы выбраться, Олежку [сына] бы вернуть. Я восстановилась бы в правах, устроилась бы на работу». Я часто посещал ее в зоне, постоянно исповедовал, причащал. Пришло время, Ирина освободилась. Наш приход Знаменского храма, клириком которого я являюсь и который находится в пятистах метрах от колонии, старался помогать ей всем чем только можно, и, в частности, благодаря социальному отделу епархии ей сделали ремонт в квартире. Мы даже пытались устроить ее на работу, но не получилось — у нее все время были какие-то отговорки со ссылкой

Протоиерей Михаил Резин, клирик собора в честь иконы Божией Матери «Знамение» г. Ардатова Нижегородской области Выксунской епархии. Родился в 1951 г. в Самарканде. Окончил Воткинский машиностроительный техникум. После армии окончил истфак Уральского политехнического института им. С. М. Кирова (ныне Уральский университет). Работал преподавателем истории, экономики, эстетики в разных учебных заведениях Свердловска, Воткинска, Ижевска. Писал прозу и публицистику, публиковался в различных периодических изданиях. В 1987 г. окончил Литературный институт. Автор нескольких книг. В 1992 г. был рукоположен в диаконы, а затем в иереи. С этого же года окормляет ИК-18 (до 2011 г. это была воспитательная колония для несовершеннолетних, затем для неоднократно осужденных женщин). В конце 1990-х закончил Православный Свято-Тихоновский богословский институт.

на плохое здоровье. Ирина посещала своего сына в социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних «Пеликан» в Выксе, и все шло к тому, что ее вот-вот восстановят в родительских правах. Мы с ней все время были на связи, я старался поддерживать ее морально. Весь наш приход в нее верил и молился о ней. Из-за пули ей требовалось серьезное медицинское вмешательство. По моей просьбе епископ Выксунский и Павловский Варнава договорился с военным госпиталем, где ей пообещали сделать операцию. Но за несколько дней до ее госпитализации я узнал, что Ирина снова попала на наркотиках, и теперь ей уже грозил серьезный срок. Чтобы избежать этого, она приняла большую дозу наркотиков и умерла. Мы все были в шоке, а для меня это стало еще одним доказательством того, что расчет на чудо не работает, если в сердце нет решимости бороться с грехом. Думаю, что в случае с Ириной было много лукавства. Только устремленное к Богу сердце может рассчитывать на Его помощь.

— *А есть истории со знаком «плюс»?*

— Трудный вопрос, ведь «минусы» сразу видны, а «плюсы» воспринимаются как само собой разумеющееся и выпадают из поля нашего зрения. Поэтому голливудский сценарий не готов рассказать. Но у меня есть предположение, что по некоторым признакам какой-то процент заключенных женщин, хоть и небольшой, переменит на воле свою жизнь. Примерно каждая сотая, выйдя на свободу, звонит мне и рассказывает о себе. Одна из них, назову ее Галиной, была старшей по храму. А когда освободилась, стала продавать цветы. Причем средства на раскрутку своего маленького бизнеса заняла у нашего прихода. А потом все вернула. Скажу вам, что это просто немыслимое дело — чтобы люди после зоны возвращали взятые в долг деньги. Но расписать историю ее жизни после колонии поэтапно возможности нет: у меня, к сожалению, нет такой информации.

Другой пример — Елена, написавшая икону святителя Луки Крымского для регионального конкурса среди осужденных «Не числом, а смирением», проводившегося Главным управлением Федеральной службы исполнения наказаний по Нижегородской области. Она говорит, что писала ее на одном дыхании. Очень глубоко

Обсуждение итогов конкурса рисунков, посвященных Рождеству Христову, в ИК-18

прониклась этой темой, читала житие святого Луки, молилась ему. И такие факты дают мне некоторую надежду, что после освобождения у нее сложится нормальная жизнь.

Ведь если человек начинает вдумываться, всматриваться в те ценности духовной жизни, о которых говорит Господь в Евангелии, то участие в таинствах, общение со священником ложатся семенем веры в его душу, а оно затем прорастает и удерживает его от преступления. Это абсолютно точно. И всегда видно — человек мимикрирует или искренне идет к вере. Например, начинает задавать серьезные вопросы, и ты чувствуешь, как ему важен твой ответ.

Или берет на себя перед Богом некие обязательства, связанные с благополучием близких. Например, одна говорит: я дала Богу обет — ради своего ребенка бросила курить, чтобы у него не было проблем с учебой и складывались нормальные отношения с другими людьми. Другая перестала ругаться матом, хотя это очень трудно в таком окружении. «Все вокруг ругаются, а я держусь, язык прикушу и молчу», — призна-

ется она. Кто-то старается поститься и не есть в пост мясного. Но тут я их сразу предупреждаю: для вас пост — это перестать сквернословить и курить. А если еще администрацию перестанете осуждать (если у вас это получится, конечно) — считайте, что вы уже ходите по небу над землей.

Повод для надежды

— *Вы общаетесь с родственниками осужденных?*

— Конечно. Осужденные сами приглашают меня пообщаться, когда к ним приезжают их родители, дети. Бывает, что некоторые близкие родственники, матери в основном, смотрят на меня как на волшебника, с огромной надеждой, что их дочь, когда выйдет на свободу, изменится. Просят помочь: уделите ей, пожалуйста, особое внимание, звоните, если что-то нужно. И надеются, что ее приход к вере, ее молитвенная жизнь поможет ей быстрее освободиться.

— Как выстроена в колонии духовная жизнь?

— Службы в Покровском храме дважды в месяц; если на этот период выпадают двенадцатые праздники, то чаще. В общине около четырех десятков человек, и меньше не становится, хотя число осужденных в колонии постепенно сокращается. По наблюдениям тюремных священников, в общину — независимо от того, женская это или мужская колония — входит не больше десяти процентов осужденных. В общине есть старшая, которая ежедневно утром и вечером открывает храм для молитвы. Обычно в дни, когда нет богослужений, верующие заключенные читают акафисты или молитву по соглашению. За богослужениями поют клирошане Знаменского храма, своего церковного хора в колонии пока нет. Встречи со священником по просьбе психолога проходят примерно один раз в неделю. Если во время беседы у кого-то появляется желание исповедаться, мы сразу идем в храм. На Рождество Христово и на Пасху вместе со своими прихожанами с воли поздравляю всех заключенных колонии. Сначала служим молебен, а потом раздаем подарки и проводим беседу. Обязательно на хлебозаводе заказываем куличи, чтобы хватило всем. То же и с крещенской водой: женщины стараются наполнить все свободные емкости, какие у них есть. Община следит за храмом. Осужденные благоукрашают его, красят, белят, моют полы, сажают вокруг цветы. А наш Знаменский приход привозит им землю и рассаду.

До революции на территории нынешней колонии стоял Покровский монастырь. Главный храм обители, Покровский собор, был взорван большевиками в 1931 году. В нем под спудом в алтаре покоились мощи преподобного Антония Ардатовского, друга преподобного Серафима Саровского. И на этом месте был поставлен большой поклонный крест, который освятил епископ Выксунский и Павловский Варнава. Присутствие этой святыни немного шокирует, потому что рядом находится плац, где осужденные ежедневно строятся на поверку. И я им иногда говорю: «Смотрите, как устроена жизнь. Здесь раньше монахи жили, молитва звучала, а теперь матерная брань. Ладан курился, а сейчас сигаретный дым. И может, наступит момент, колонию расфор-

Справка

ИК-18 г. Ардатова Нижегородской области — женская исправительная колония общего режима. Здесь отбывают наказание повторно совершившие тяжкие преступления, в основном за торговлю наркотиками, убийства, грабежи, кражи. В настоящее время число осужденных превышает 180 человек. Колония находится на территории бывшего Покровского женского монастыря, основанного по благословению святого Серафима Саровского и закрытого в 1928 г. На территории построен храм в честь Покрова Божией Матери.

мируют и всю территорию передадут Церкви. Останется здесь вас человек сто, и все вы пострижетесь в монахины». Они смеются: всё, говорят, бывает. А некоторые признаются: мы чувствуем — это место необычное. Но я всегда молюсь преподобному Антонию и чувствую его духовную поддержку. И вижу: по его молитвам сердца осужденных как бы оттаивают во время богослужения и становятся более восприимчивы к слову Божию.

— Кто-то из этих женщин стал вашим духовным чадом после освобождения?

— Нет. Выходя на свободу, они обычно уезжают домой и, если кто-то стал верующим, ходят в другой храм. А может, моя личность ассоциируется у них с колонией, о чем вспоминать неприятно. Самое интересное, что у мужчин все происходит с точностью до наоборот: по статистике большинство из них после освобождения продолжают общение со священником. Для женщин зона, наверное, это более тяжелая травма. А пацаны до сих пор со мной общаются, хотя прошло уже 15 лет, как они освободились, и до сих пор они пишут и звонят мне.

Ключ к доверию

— Учитывая, что вы общались и с осужденными мужчинами, с кем сложнее выстроить диалог священнику — с мужчинами или с женщинами?

— По моему опыту, с женщинами сложнее. Потому что, несмотря на эмоциональность, они более закрыты. Держат глубоко в себе свои внутренние проблемы и не хотят ни с кем ими делиться. Их труднее вывести на откровенный разговор.

— Тогда как начинать священнику беседу с ними и каких тем лучше избегать?

Покровский храм в женской колонии ИК-18, г. Ардатов (слева)

*Епископ Выксунский
и Павловский
Варнава
возглавляет
богослужение
в Покровском храме
женской колонии
ИК-18*

— Разговор с осужденными женщинами можно начинать с каких-то добрых воспоминаний, чаще всего они связаны с детством. И все их сегодняшние проблемы тоже оттуда. Ведь они сидят не за то, что у кого-то булку с маком отобрали. Поэтому стараюсь так повести разговор, чтобы они вспомнили наиболее счастливые моменты из детства. Спрашиваю про маму, папу, общение с друзьями, учебу, какие предметы в школе нравились, кто был любимым учителем и почему. Все это очень сближает и помогает установить доверительные отношения. И дальше осторожно расспрашиваю, что произошло в семье и в результате чего моя собеседница в итоге оказалась за решеткой.

Как правило, это стандартный набор ситуаций через «или»: отец бросил их с мамой, спился, умер, попал под поезд. А мама занялась устройством своей личной жизни. В 5–6–7-м классе у фактически брошенного ребенка постепенно съезжает успеваемость на тройки-двойки. И когда девочку начинают «давить» в школе за пло-

хие отметки, у нее пропадает интерес к учебе. А 13–14 лет — это рубеж. Раз дома не нужна — в ее жизни появляются друзья из сомнительных компаний. Ребенок большую часть времени проводит на улице. А дальше по наклонной: пьянки, гулянки, поиск средств на это.

Тех, у кого в основе преступлений лежит подобного рода искалеченное детство, порядка 99 процентов. А один процент — это те, у кого все было хорошо: любящие родители, обеспеченная семья, отличные оценки, блестящие перспективы. Но знакомится такая школьница с молодым человеком, вроде бы очень славным. Он ее понимает, красиво говорит, с ним ей интересно, он открывает ей прекрасный взрослый мир. «Вот мой избранник на всю оставшуюся жизнь», — радостно думает она. А молодой человек начинает девочкой манипулировать в своих интересах и быстренько подсаживает ее на наркотики. А у нее никакого жизненного опыта — для нее это принц на белом коне. А дальше предсказуемое развитие событий. Это вполне

себе обычная ситуация, когда дилеры или те, кто сам употребляет наркотики, ищут таких различных девочек из обеспеченных семей. С одной стороны, из них всегда можно вытянуть деньги, а с другой — таких положительных в последнюю очередь в чем-то заподозрят.

И когда вы говорите с осужденной женщиной обо всем этом, то ее доверие к вам возрастает. Но вопросы о статьях, по которым она осуждена, должны быть самыми последними, если вообще их стоит ей задавать. Лучше их обходить. Потому что если она захочет, то расскажет сама.

— Вы называете им грехи, в которых они должны раскаяться?

— Конечно. Мы обговариваем общий порядок в перечислении грехов перед исповедью и т. д. И потом, я с ними общаюсь не только в храме на службе и на исповеди. В учреждении есть еще психологическая лаборатория, где мы встречаемся и говорим — кто желает, конечно — о суициде, депрессии, унынии. Это выглядит следующим образом: меня приглашает психолог, в отдельной комнате собирается человек 20–30 осужденных, мы ведем общую беседу: о смысле жизни, о рае, аде, о грехах, к чему они приводят. Их это, кста-

ти, гораздо больше интересует, чем осужденных подростков.

— А какие есть запретные темы?

— Они скорее не запретные, а нежелательные. Например, не нужно с осужденными женщинами говорить о том, о чем они не хотят. Допустим, об их отношениях с мужем, что там случилось, почему расстались. Если сами не открываются, то не надо. Вопрос о детях всегда очень болезненный. Можно, например, спросить: «Как там дети?» И по ответу сразу поймете, готова она или нет этим поделиться. Всегда в штыки воспринимается вопрос о взаимоотношениях с администрацией. Это сразу их настораживает: не работает ли священник на руководство исправительного учреждения, не делится ли информацией? Принцип тут должен быть такой: если она захочет, сама все скажет.

— В чем особенность проповедей в храме за колючей проволокой, как правильно расставлять в ней акценты?

— Альфа и омега в проповеди с осужденными — это осторожность, главное их не обидеть. Ни в коем случае нельзя хлестать их морально, осуждать за грехи. Наоборот, следует говорить

*Освящение
Поклонного
креста на месте
погребения
святого Антония
Ардатовского,
10.10.2017 г.*

Помазывание маслом из лампы от иконы Николая Чудотворца после духовной беседы в лаборатории психологической разгрузки

с состраданием и пониманием. Они сразу это чувствуют, и уже легче затем вести речь о сокровенном для них. Например, проповедь про богача и Лазаря (см. Лк. 16, 19–31). Я говорю им: многие люди стремятся к богатству. И это одна из причин, что вас сюда привела. Разъясняю им

Альфа и омега в проповеди с осужденными — это осторожность, главное их не обидеть. Ни в коем случае нельзя хлестать их морально, осуждать за грехи. Наоборот, следует говорить с состраданием и пониманием.

Евангелие, кто такой Лазарь. Это несчастный больной человек. А богач — например, современный олигарх. Каков итог жизни каждого из них и почему?

Участь человека в этой жизни и за ее пределами определяет то, к чему стремится его душа. Обратите внимание: богач просит Лазаря прийти к его живым братьям и рассказать, как он мучается в аду, чтобы они покаяться и не оказались там же, где и он. Иными словами, если бы богач покался, не попал бы в ад. И основная задача и смысл человеческой жизни — это прийти к покаянию, то есть к общению с Богом. Неважно, богат ты или беден. Акцент на таких евангельских сюжетах — это возможность раскрыть заключенным суть их настоящего положения, того, что было, и того, что с ними будет. Это очень важно, чтобы у них были ориентиры на будущее.

— Чему научила вас работа в колонии, чем помогла как священнику?

— Может, это покажется парадоксальным, но я пришел к мысли, что многим из нас было бы полезно какое-то время посидеть в карцере. Это камера два на три метра с маленьким окошком наверху. Обычно одиночка. Потому что в таких условиях есть время что-то переоценить, обдумать, отключиться от суеты, которая не дает осмыслить свою жизнь или даже прожитый день. И когда сидишь на нарах рядом с осужденной, приходит мысль: ты ведь тоже по своим грехам должен быть здесь. Отчетливо понимаешь, что ты придумал о себе много хорошего, а на самом деле ничего этого нет. Появляется пронзительное осознание своих немощей, страстей и грехов, и это отрезвляет.

Беседовал Алексей Реутский

Фото из архива протоиерея Михаила Резина, Игоря и Ларисы Ширяевых

Исповедовать грехи заключенные смогут священнику наедине

Министерство юстиции РФ анонсировало существенное смягчение режимных правил в местах заключения. В частности, предполагается, что в исправительных колониях по заявлению осужденного и с письменного согласия священнослужителя личную встречу организуют наедине и вне пределов слышимости третьих лиц с использованием технических средств видеонаблюдения. Для совершения таинств и проведения религиозных обрядов в следственных изоляторах (СИЗО) священнослужителям разрешат приносить необходимые книги и святыни (в том числе Тело Христово для причащения),

а в дни религиозных праздников передавать арестантам готовые к употреблению продукты (в том числе сухие кондитерские изделия, куличи, вареные яйца), приготовленные в СИЗО и не относящиеся к запрещенным. По существующему законодательству встреча священника с подследственным в СИЗО до сих пор считается свиданием и проводится с разрешения следователя. Поэтому председатель Синодального отдела по тюремному служению епископ Красногорский Иринарх последовательно предлагает ввести священников в штат СИЗО в качестве вольнонаемных сотрудников, чтобы они могли свободно перемещаться по учреждению и посещать всех, кто в них нуждается.

СПАС

ТЕЛЕКАНАЛ

***ПРОСТО
О ГЛАВНОМ***